УЧАСТИЕ КОРЕЙЦЕВ РУССКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В АНТИЯПОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ (1906—1916 гг.)

С. С. Григорцевич

Советские и корейские ученые уделяют большое внимание изучению истории освободительной борьбы корейского народа [1]. Однако не все стороны этой сложной и обширной темы нашли отражение в литературе. В частности, все еще не освещено участие корейского населения русского Дальнего Востока в антияпонском национально-освободительном движении 1906—1916 годов. Между тем значительный архивный материал позволяет в известной мере осветить этот вопрос. Целью данной статьи и является ознакомление читателя с борьбой корейских патриотов, населявших дальневосточную территорию России [2], за освобождение своей порабощенной японскими колонизаторами родины. Работа построена на материалах Центрального государственного архива РСФСР для Дальнего Востока.

★

После русско-японской войны 1904—1905 гг. правящие круги Японии, опираясь на поддержку США и Англии, стали проводить политику полного закабаления Кореи. 17 ноября 1905 г. японские оккупанты принудили корейское правительство подписать договор об установлении протектората над Кореей, который явился лишь ступенью для последовавшей в 1910 г. аннексии страны и превращения ее в колонию.

Захватническая политика японского империализма встретила сопротивление со стороны корейских народных масс, решительно выступивших против колониального рабства. Свое наиболее яркое воплощение освободительная борьба нашла в движении «Ыбен» [3], получившем широкое развитие после установления протектората над Кореей.

---

[1] См. сборник «Корейская Народно-Демократическая Республика». М. 1954; «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». Перевод с корейского. М. 1953; Г. Ким. Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. Госполитиздат. 1957; Ким Сен Хо. Борьба корейского народа за независимость. Журнал «Советское востоковедение», 1957, № 5; Ф. Шабшина. Великая Октябрьская социалистическая революция и крестьянское движение в Корее. «Вопросы истории», 1949, № 6; ее же. Народное восстание 1919 года в Корее. М. 1958; С. А. Цыпкин. Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на Советском Дальнем Востоке (1918—1922). «Вопросы истории», 1957, № 11 и др.

[2] Переселение корейцев на территорию русского Дальнего Востока началось с 60-х годов XIX века. В 1907 г. здесь проживало 46 430 корейцев. См. Н. В. Кюнер. Статистико-географический и экономический очерк Кореи. Ч. I. Владивосток. 1912, стр. 252.

[3] «Ыбен» («Армия справедливости») — партизанские отряды, действовавшие в Корее после поражения народного восстания 1893—1895 годов. (См. Г. Д. Тягай. Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. М. 1953.) С 1904 г. борьба против японских захватчиков активизировалась; возникли партизанские отряды, которые народ называл «Армией справедливости». «Ыбен» стало символом борьбы за национальную свободу. Впервые название «Армия справедливости» появилось в период освободительной борьбы корейского народа против японского нашествия в конце XVI в. (1592—1598 гг.).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Русский народ сочувственно относился к национально-освободительной борьбе корейских патриотов. Мнение русских людей нашло известное отражение в прессе того времени. Сообщая о событиях развернувшейся в Корее освободительной борьбы, газета «Даль», издававшаяся в Чите, в июне 1906 г. писала: «После заключения японо-корейской конвенции 17 ноября 1905 г. население Кореи убедилось, что при условиях, вырабатываемых победителем, жить невозможно», поэтому начались восстания, и «японцы вынуждены вести регулярную войну против корейского народа» [4].

Исследованные материалы свидетельствуют о том, что антияпонски настроенная часть господствующих классов Кореи надеялась на иностранную помощь, в частности на поддержку царской России. Но царизм, занятый подавлением революции 1905 г., не смог оказать противодействия захватническим планам Японии в Корее. Тогда антияпонские круги, рассчитывавшие на вмешательство извне, попытались использовать в своих интересах межимпериалистические противоречия. В этих условиях император Кочжон тайно направил посольство на Гаагскую международную конференцию. Однако великие державы не оказали поддержки Корее. Японское правительство использовало этот шаг как предлог для дальнейшего закабаления корейского народа. Оно добилось отречения Кочжона от престола. В июле 1907 г. Корее был навязан неравноправный договор, ставивший ее правительство в полную зависимость от японского генерал-резидента [5].

С помощью репрессий, с одной стороны, и различных форм пропаганды — с другой, японские империалисты стремились ликвидировать сопротивление корейского народа. В корейской прессе, находившейся под контролем колонизаторов, пропагандировались идейки о том, что «истые корейские патриоты должны деятельно помогать японцам», а не поступать так, как некоторые публицисты, которые восстанавливают корейцев против Японии, поддерживая в них надежду на международное вмешательство [6]. Указывалось также, что «Япония, занявшая Корею с согласия всех держав, имеет право на роль учителя» [7]. Однако вопреки этим предательским голосам народное движение за независимость росло.

Корейская феодальная верхушка после русско-японской войны предала интересы своей страны и стала сотрудничать с японскими империалистами. Но часть дворянства, группировавшаяся вокруг Кочжона, и некоторые буржуазные элементы, настроенные патриотически, надеялись, оперевшись на стихийно возникшее народное движение, отстоять независимость Кореи и полностью восстановить свое былое господство. Рассчитывая на поддержку России, лидеры антияпонского движения установили связь с царскими властями через пограничного комиссара Южно-Уссурийского края [8].

Дворянство и буржуазные элементы (пролетариат в то время еще не выступал в качестве самостоятельной политической силы), стоявшие во главе антияпонского движения в Корее, не имели сколько-нибудь ясной программы национального освобождения. Активное антияпонское движение широких трудящихся масс развивалось стихийно.

В августе 1907 г. в Сеуле вспыхнуло восстание солдат, вызванное тем, что японские власти стали разоружать и распускать корейскую армию. Известие о кровопролитных боях в столице широко распространилось по стране и привело к повсеместному возмущению населения. В тече-

---

[4] Газета «Даль», 10 июня 1906 года.

[5] См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». М. 1953, стр. 157—158.

[6] «The Seoul Press», 13 декабря 1906 года.

[7] «The Seoul Press», 31 декабря 1906 года.

[8] Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края, находившийся в с. Новокиевском, кроме обязанностей по охране границы, выполнял консульские функции в пограничных сношениях с Китаем и Кореей.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ние августа — сентября в различных городах Кореи произошли солдатские волнения. Солдаты бывшей корейской армии вливались в движение «Армии справедливости», создавали новые партизанские части. В январе — феврале 1908 г. только в провинции Южный Хамген действовали партизанские отряды под руководством Хон Бом До и Ча До Сона.

С этого же времени усилилось антияпонское движение среди корейцев, проживавших на русском Дальнем Востоке. Здесь начали формироваться и вооружаться партизанские отряды. Через своих представителей они установили связь с корейскими повстанцами [9].

Летом 1906 г. во Владивосток бежал из Сеула бывший товарищ министра внутренних дел Кореи Ли Шан Шер, связанный с корейскими антияпонскими кругами. Он установил контакт с деятелями антияпонского движения Маньчжурии и русского Дальнего Востока. 9 августа 1906 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Смирнов писал в штаб войск Дальнего Востока: «Кроме Ли Бом Юна [10], с которым я нахожусь в сношениях, в Новокиевске проживает бежавший из Сеула бывший товарищ корейского министра внутренних дел Ли Шан Шер. Оба эти лица стоят во главе корейских эмигрантов-патриотов, мечтающих о свержении японского ига в Корее при нашей помощи» [11].

Помимо Ли Бом Юна, известную роль в организации антияпонской борьбы сыграли проживавшие на русской территории корейцы — старшина Янчихинской волости мясоторговец Цой, крестьянин П. И. Эм и сын корейского посланника в Петербурге Ли Чжун. Активное участие в движении приняли офицеры регулярной корейской армии, бывшие дружинники, бежавшие от преследований японских властей в Россию. Основную силу движения составляли трудящиеся — крестьяне, рабочие, батраки. Горя патриотическим желанием добиться свободы и независимости своей родины, корейские трудящиеся — крестьяне и рабочие русского Дальнего Востока — вступали в партизанские отряды, составляя их главную боевую силу. С 1907 г. в корейских селах Южно-Уссурийского края началось формирование и военное обучение боевых партизанских отрядов. Среди корейцев производился сбор средств и оружия для партизан, закупались ружья и боеприпасы.

Встревоженное ростом антияпонской борьбы и ее успехами, посольство Японии в Петербурге заявило протест русскому правительству. Царское правительство искало в тот период соглашения с империалистической Японией по проблемам Дальнего Востока. Военный губернатор Приморской области дал указание «не допускать явной антияпонской агитации среди корейцев» [12]. Местная русская администрация следила за тем, чтобы на русской территории не было легальных антияпонских выступлений, которые японское правительство могло бы использовать для нового дипломатического демарша.

Широкий характер антияпонская борьба корейцев русского Дальнего Востока приняла в 1908 году. В Северную Корею было отправлено несколько крупных партизанских отрядов. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности точно установить число корейских патриотов, которые вступили в партизанские отряды на территории России. По сведениям пристава Посьетского стана Южно-Уссурийского уезда, до апреля 1908 г. с русской территории ушло в Северную Корею около тысячи бойцов [13]. Согласно его же данным, 19—21 июня того же года через

[9] Центральный государственный архив РСФСР для Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 230.

[10] Ли Бом Юн в период русско-японской войны 1904—1905 гг. командовал Корейской дружиной (добровольческий отряд), сражавшейся в Северной Корее, а затем в Маньчжурии в частях генерала Анисимова. В последующем Ли Бом Юн — активный участник антияпонской борьбы.

[11] ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 59.

[12] Там же, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 31.

[13] Там же, л. 229.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

границу переправилось 200 корейских партизан [14]. Управляющий таможенной заставой писал, что в ночь на 23 июня из района деревни Подгорной направилось в Корею 96 корейцев-партизан, прибывших из Сучана. Перейдя границу, они совершили нападение на японские посты в пограничных селениях. Во время столкновений было убито 14 японских солдат [15].

Партизанские отряды, сформированные в русских пределах, обычно попадали в Северную Корею через китайскую территорию небольшими группами [16]. Но нередко они избирали и прямой путь по суше либо на шаландах по морю и тогда высаживались где-либо в прибрежных пунктах своей родины. Население корейских деревень, расположенных на русской земле, почти всегда было предупреждено о времени передвижения партизанских отрядов и оказывало им необходимую помощь, приветствовало борцов за свободу и независимость своего отечества.

Перешедшие на территорию Китая добровольцы объединялись в отряды в корейских пограничных селениях Хуньчуньского округа, расположенных у русской границы. Китайское население Маньчжурии сочувствовало корейским патриотам, оказывало им поддержку; местные власти также не чинили им препятствий. Пограничный комиссар Смирнов писал военному губернатору Приморской области в мае 1908 г., что, по имевшимся у него данным, «корейские инсургенты действуют в этой части Маньчжурии при молчаливом содействии китайских властей» [17].

Между корейскими партизанскими отрядами, формировавшимися на русском Дальнем Востоке, и участниками движения в Маньчжурии была установлена связь. Маньчжурия, где к 1911 г. проживало 256 тысяч корейцев [18], стала важным опорным пунктом антияпонской освободительной борьбы корейского народа.

Движение против японского империализма в Маньчжурии усилилось в связи с попытками Японии захватить территорию Кандо, которую в 1909 г. населяло 83 тысячи корейцев и 27 тысяч китайцев [19]. Японские милитаристы стремились завладеть этим районом как важным стратегическим пунктом, расположенным на стыке границ Китая, Кореи и России. Кроме того, они надеялись ликвидировать здесь центр антияпонской борьбы.

Корейские отряды, сформированные на территории России и Маньчжурии, как видно из материалов пограничного комиссара Южно-Уссурийского края, ставили своей задачей соединиться с частями «Армии справедливости» (которые действовали в лесах северо-восточной части Кореи, на западных склонах Туманского хребта, к востоку от верховьев реки Тумангган), занять город Мусан и другие населенные пункты на правобережье Тумангана и, опираясь на помощь корейского населения Кандо, а также на поддержку китайского народа, поднять всеобщее восстание в Корее против японских захватчиков [20].

В начале 1908 г. партизаны Северной Кореи имели значительные успехи. Отряд Ким Чюн Ха, насчитывавший до 700 бойцов, в конце марта после упорных боев занял укрепленный японцами Мусан. Город несколько месяцев находился во власти повстанцев, значительный японский гарнизон его был истреблен [21].

По сведениям корейского переводчика С. Тима, отряды «Армии справедливости» численностью в 4 тысячи человек под командованием

---

[14] Там же, л. 89.
[15] Там же, л. 33.
[16] Переход границы с Китаем не представлял особой трудности, так как здесь не было постоянной охраны.
[17] ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 23.
[18] Н. В. Кюнер. Указ. соч., стр. 246.
[19] Там же.
[20] ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 2.
[21] Там же, л. 31; ф. 128, оп. 3, д. 5, л. 23.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

видного деятеля освободительного движения Хон Бом До[22], разделившись на четыре группы, заняли города Самсу, Капсан, Хунцхань и Чхончжин[23], уничтожили стоявшие здесь воинские части, разрушили конно-железные дороги, построенные оккупантами для того, чтобы подвозить к реке Ялу (Амноккан) лес, подготовленный для сплава[24].

Чтобы облегчить положение своих войск в районе Самсу — Капсан, японское командование в начале мая 1908 г. направило сюда из Сончжина (Ким Чак) отряд в 150 человек. Но корейские повстанцы окружили и разгромили его[25].

Пограничный комиссар Смирнов писал в июне 1908 г. военному губернатору Приморской области: «Дела повстанцев в Северной Корее идут довольно успешно... Крупные партии повстанцев истребляют не только мелкие команды и посты, но и значительные японские отряды... Все это поднимает дух корейцев, и они ведут дело в восточной части Маньчжурии и у нас по сбору денег и скупке оружия. Сейчас деятельность корейских патриотов сосредоточена во Владивостоке, Сучанском и Суйфунском станах»[26]. В другом донесении сообщалось, что небольшие партии партизан готовятся перейти границу и пойти на помощь «борцам за независимость Кореи»[27].

В конце июня партизанский отряд численностью около ста человек перешел с русской территории через пограничный район Китая в Корею; другой отряд такой же численности, приплывший на шаландах из Сучана, высадился на корейском берегу в дельте р. Туманган. Эти отряды, объединившись, перебили почти без потерь для себя гарнизоны японских постов и мелкие отряды в окрестностях г. Кёнхына[28]. Японское командование было вынуждено объединить пограничные войска в более крупные части и начать строительство оборонительных сооружений вокруг городов.

Ожесточенные бои развернулись в Северной Корее в июле. Повстанцы нанесли японским войскам ряд новых поражений. По рассказам раненых корейских партизан, прибывших в с. Новокиевское на излечение, 10 июля японская рота попала в засаду, устроенную партизанами вблизи города Хверёна. Бой продолжался весь день, и лишь подоспевшее подкрепление спасло роту от полного разгрома. Японские захватчики потеряли 64 человека убитыми и 30 ранеными. У партизан убитых не было, а раненых оказалось только четыре человека[29].

---

[22] Как сообщал Хон Бом До в своей автобиографии (ЦГАДВ, ф. 562, оп. 1, д. 2851, лл. 7—8), написанной в 1932 г., он родился в 1868 г. в семье бедных крестьян. С 1883 по 1887 г. служил в армии, а в 1888—1893 гг. работал на бумажной фабрике в селе Чоннён, округа Суан, провинции Хванхэдо. В 1894 г. (во время крестьянской войны в Корее) вступил на путь вооруженной борьбы против угнетателей корейского народа, в том числе и японских милитаристов. С 1904 по 1913 г. Хон Бом До командовал крупными отрядами корейских партизан в провинции Хамгёндо, численность которых достигала, по его словам, 2 500 человек. В июле 1913 г. с группой сподвижников после неравных боев против регулярных японских войск вынужден был скрыться на территории русского Дальнего Востока. В 1919 г. направился в Северную Маньчжурию, где сформировал отряд численностью до 1 500 человек, который вел борьбу с японскими оккупантами. Этот отряд во главе с Хон Бом До в 1921 г. перешел на территорию Советского Дальнего Востока и принял участие в борьбе против интервентов и белогвардейцев. В ноябре 1921 г. Хон Бом До в качестве делегата от корейских партизанских отрядов выехал в Москву к В. И. Ленину; из Москвы в Иркутск вернулся в феврале 1922 года. В 1927 г. был принят в члены ВКП(б).

[23] ЦГАДВ, ф. 128, оп. 3, д. 5, л. 23.

[24] После оккупации Кореи японские капиталисты начали вырубку лесов. С этой целью в октябре 1906 г. была создана японо-корейская лесная компания, основной капитал которой достигал 1 200 тыс. иен. «The Seoul Press», 19 декабря 1906 года.

[25] ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 42.

[26] Там же, л. 31.

[27] Там же, л. 23.

[28] Там же, лл. 84—85.

[29] Там же, л. 105.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В архиве имеются сведения и о сражении 14 июля близ г. Пурёна. На партизанский отряд, насчитывавший сто человек, напала японская рота, которую привел изменник — буддийский монах. Но партизаны сами перешли в атаку, загнали японских солдат в тесную котловину и почти всех перебили[30]. Между Кёнхыном, Хверёном и рядом других городов Северной Кореи партизаны уничтожили телеграфные линии.

Успешно развивалось партизанское движение в центральной и южной частях страны.

Смирнов, собравший довольно значительный материал о партизанском движении, отмечал, что повстанцев поддерживало все население, поэтому они знали каждый шаг японских отрядов. Партизаны никогда не вступали в сражения в невыгодных для себя условиях. Они выработали оригинальную тактику боя и применяли такую же систему «охотничьей» стрельбы, какая практиковалась у буров[31]. Повстанцы редко стреляли на дальнюю дистанцию; они вели прицельный огонь на расстоянии от 100 до 600 шагов. Увидев неприятеля, партизаны скрывались за камни, кусты, деревья, не придерживаясь какого-либо строя регулярных войск. При атаках врага они отходили, охватывали фланги противника и, когда он оказывался в невыгодном положении — в котловине, горном дефиле и т. д.,— переходили в наступление. Во время боя партизаны проявляли большую инициативу, самостоятельность и находчивость[32].

Во второй половине июля повстанцы временно прекратили боевые операции, чтобы дать возможность крестьянам убрать урожай. Часть партизан вернулась в деревни для полевых работ, другая отошла в глубь лесов и гор. Японские оккупанты использовали затишье для усиления карательных экспедиций против мирных жителей. Еще в первой половине июля на русскую территорию, спасаясь от японских солдат, бежало около ста женщин и детей. Они нашли приют в корейских селах Заречье и Красном[33]. 22 июля в пределы России, бросив имущество, бежали жители (почти четыреста человек) пограничной корейской деревни Сешурой, переправившиеся через Туманган на десяти больших лодках. В прошении на имя русских властей они писали, что до последнего времени жили «в своих фанзах, терпя притеснения» со стороны японских солдат, но после того, как в их деревне партизаны напали на японских оккупантов, все население, спасаясь от карателей, скрылось в с. Красном, где «благодаря вниманию и щедрости местных жителей» получило приют и пищу[34].

На репрессии японских оккупантов корейские партизаны ответили рядом новых успешных боевых операций. В ночь на 21 июля партизанский отряд напал на японский пост на морском побережье в 5—7 верстах от русской границы и уничтожил его. Было убито 23 японских солдата[35]. В начале августа окружной инспектор таможен Заамурского района сообщал, что в деревнях «Подгорной, Нагорной и Красном селе все время находятся партизаны-корейцы и из этих деревень делают неожиданные набеги на японские посты в Корее»[36].

Летом 1908 г. японское правительство через русское посольство в Токио и японское консульство во Владивостоке сделало несколько представ-

---

[30] Там же, ф. 128, оп. 3, д. 5, л. 79.

[31] Имеются данные, что руководители национально-освободительного движения корейского народа изучали опыт войны буров против англичан (там же, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 162).

[32] Там же, лл. 105—106.

[33] Там же, л. 85.

[34] Там же, л. 118.

[35] Там же, л. 111. В сентябре 1908 г. партизанский отряд, насчитывавший до 500 человек, одержал над японскими войсками две победы в окрестностях г. Менчёна. Здесь захватчики потеряли убитыми 60 солдат и офицеров (там же, л. 169).

[36] Там же, л. 11.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лений, добиваясь от русских властей запрещения антияпонских выступлений на территории России. Русский посол в Токио Малевский-Малевич телеграфировал 8 июля приамурскому генерал-губернатору, что министерство иностранных дел Японии сообщило ему о заговоре против японской администрации в Корее, организованном якобы Ли Бом Юном и двумястами корейцами с помощью двадцати русских жителей из Новокиевского. «Вашему высокопревосходительству известно, — говорилось в телеграмме,— насколько русское правительство (заинтересовано) в устранении всякого подозрения (в) поддержке восстания в Корее» [37].

В ответе послу генерал-губернатор сообщал, что на границах с Кореей поставлена казачья команда, «но мелкие отряды корейцев через маньчжурскую границу, вероятно, будут проникать в Корею». Участие русских в корейских партизанских отрядах он отрицал [38]. Японские власти, выставив усиленные караулы, закрыли корейско-русскую границу. Прекратились пограничные торговые сношения.

Летом 1908 г. японские военные части несколько раз нарушали неприкосновенность границы России и даже обстреляли корейские села на русской территории [39]. В связи с этим в некоторых пограничных селениях были размещены русские военные команды и приняты меры к предотвращению пограничных инцидентов и антияпонских выступлений корейского населения.

Напуганные размахом партизанской борьбы, японские империалисты в 1908 г. бросили против повстанцев крупные части регулярных войск. Район г. Нанама был превращен в военный лагерь и стал центром борьбы против партизан [40]. Несмотря на ряд значительных успехов, положение партизанских отрядов к концу 1908 г. ухудшилось. Японские карательные отряды заняли основные населенные пункты. Наступила суровая зима. Не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия. Партизанским силам, сформированным на русской территории, пришлось покинуть Северную Корею. Часть их ушла в Китай — в Кандо и Хуньчуньский округ, другая — вернулась в Россию [41].

Известный ущерб освободительному движению нанесла внутренняя борьба между его руководителями, особенно Ли Бом Юном и П. С. Цоем. П. С. Цой, разбогатевший торговец, широко эксплуатировавший труд корейской бедноты, летом 1908 г. организовал отряд, который совершал нападения на японские посты в пограничной части Кореи. Эти выступления были расценены Ли Бом Юном, связанным с корейским дворянством, которое хотело сохранить контроль над движением, как «ненужные и разбойничьи» [42]. Произошли столкновения между сторонниками Цоя и сторонниками Ли Бом Юна, что ослабляло антияпонское сопротивление.

С 1909 г. партизанская борьба в Корее ослабевает прежде всего потому, что руководители движения не опирались на широкие массы трудящихся, интересы которых были чужды им. Кроме того, повстанцы придерживались тактики индивидуального террора и ограниченных партизанских налетов. Между тем карательные меры японских империалистов усилились. Газета «Далекая окраина», ссылаясь на материалы «The Seoul Press», писала, что «усмирение корейских инсургентов принимает свирепые и беззаконные формы» [43].

В связи с репрессиями в Корее и преследованиями корейских патрио-

---

[37] Там же, л. 68.
[38] Там же, л. 69.
[39] Там же, л. 148.
[40] Там же, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 223.
[41] Там же, л. 225.
[42] Там же, ф. 1, оп. 3, д. 1160, лл. 222—223.
[43] «Далекая окраина», 5 мая 1909 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

тов японской военщиной в Маньчжурии [44] русский Дальний Восток приобрел особое значение как опорный пункт освободительной борьбы. Число корейцев, искавших в России работы и спасения от преследований, быстро увеличивалось. В феврале 1909 г. приамурский генерал-губернатор Унтербергерн в докладе Столыпину писал: «Японцы всеми средствами стремятся вытеснить корейцев из северной Кореи в наши пределы и захватить их земли» [45].

К концу 1910 г. в Приморье насчитывалось 16 780 корейцев — русских подданных и около 35 тысяч корейцев-беженцев [46]. К 1914 г. количество тех и других превысило 64 тысячи человек [47]. В Амурской области в 1914 г. было зарегистрировано 3 256 корейцев-иностранцев [48], кроме того, здесь проживало не менее 2 тысяч корейцев — русских подданных. Многие тысячи корейских беженцев, укрывшихся на русской территории, невозможно было учесть.

Руководители корейского антияпонского движения на русском Дальнем Востоке предприняли меры к тому, чтобы усилить помощь «Армии справедливости». В апреле 1909 г. газета «Korea Daily News» писала: «Из местных источников мы узнали, что один из старых вожаков инсургентов, Ли Сан Соль, находится теперь во Владивостоке для связи с Ли Бом Юном, инсургентским вожаком в Кандо, и что его миссия состоит в приобретении оружия и перевозке его контрабандой через границу» [49].

В июле 1910 г. в Южно-Уссурийском крае, в деревне Амбанби, состоялся съезд корейских партизан. На нем присутствовало 150 человек. Партизаны решили объединить свои силы и образовали общество «Чаныхве» («Военная организация»). Были избраны командующие войсками всех провинций Кореи, председатель общества, инструкторы по обучению войск и т. д. [50].

Как писал начальник владивостокского охранного отделения, в результате создания общества «Чаныхве» враждовавшие между собой группы корейцев объединились. Общество ставило своей целью возобновление активной партизанской войны, проведение диверсий, организацию агитации во всех провинциях Кореи, распространение антияпонских прокламаций [51].

В августе Япония аннексировала Корею, отстранив от власти даже послушное прояпонское правительство. Страна превратилась в японскую колонию.

В связи с аннексией издававшаяся во Владивостоке корейская газета «Тэдонг синбо» [52] в номере 47 поместила воззвание к проживавшим в России и Китае соотечественникам. В нем говорилось: «Не верьте уверениям японцев об их покровительстве и заботах о нас. Они будут обращаться с нами, как с рабами и скотом» [53]. Обращение звало народ к восстанию.

---

[44] По японо-китайскому соглашению от 4 сентября 1909 г., область Кандо признавалась территорией Китая, но корейцы, переселившиеся туда и не успевшие принять китайское подданство, должны были находиться под «покровительством» Японии, осуществлявшимся через посредство японских консулов («Дальний Восток», 30 сентября 1909 года. Приложение).

[45] ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 643, л. 2.

[46] См. «Записки» Приамурского отдела императорского общества востоковедения. Вып. I. Хабаровск. 1912, стр. 167.

[47] С. Д. Аносов. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск — Владивосток. 1928, стр. 27.

[48] ЦГАДВ, ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 14.

[49] «Korea Daily News», 19 апреля 1909 года.

[50] ЦГАДВ, ф. 1, оп. 10, д. 327, л. 7.

[51] Там же.

[52] Так с июля 1910 г. стала называться газета «Тэдонг конгбо», редактором которой в то время был отставной штабс-капитан И. Ф. Дюков. В жандармском отделении имелись сведения, что Дюков был связан с революционерами и помогал им деньгами (там же, ф. 1, оп. 2, д. 1852, лл. 44, 46).

[53] Там же, л. 56. По настоянию японской дипломатии царские власти 24 августа приостановили издание газеты «Тэдонг синбо» (там же, л. 57).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В конце августа во Владивостоке, в корейской слободе, состоялось многолюдное собрание, участники которого приняли решение бороться за освобождение Кореи и послать великим державам обращение — протест против аннексии страны [54]. В течение нескольких дней под обращением было собрано 2 324 подписи [55]. Одновременно в корейские села были посланы агитаторы для разъяснения населению положения в Корее и сбора средств.

Японское правительство было серьезно обеспокоено выступлениями корейцев России и Маньчжурии и боялось усиления народной борьбы в Корее. В депеше от 10 сентября русский консул в Сеуле Сомов, информируя о положении в Корее после ее аннексии, отмечал страх оккупантов перед гневом корейского народа и сообщал о приготовлениях японских властей к подавлению возможного народного восстания.

Сомов писал, что японское военное командование приняло чрезвычайные меры, чтобы не допустить вторжения корейских партизанских отрядов из Маньчжурии или России; с этой целью японские гарнизоны из Нанама и Хверёна были передвинуты на север и расположены вдоль реки Туманган [56]. Сношения с русским Дальним Востоком были взяты под контроль японской полицией. В новых сообщениях Сомова говорилось о создании японской колониальной администрации и грабеже национального достояния корейского народа: захватчики отобрали «все веками накопленные сокровища богатого корейского дома, многочисленные дворцы, сады, всевозможные угодья, деньги, редкие образцы старинного искусства» [57].

Японские колониальные власти стремились задушить национальную культуру корейского народа. В короткий срок было закрыто около двухсот школ. «Японцы хотят убедить корейцев,— писал русский консул,— что они не являются нацией», лишить их образования и использовать как дешевую рабочую силу [58]. В этом же письме он выражал мнение, что не надо препятствовать корейцам приходить на заработки в Приамурье. Те из них, отмечал Сомов, кто остается в пределах России, могли бы многому научить русских переселенцев благодаря знанию особенностей почвы, климата и умению хорошо выращивать огородные культуры [59].

Наряду с попытками добиться путем переговоров с царскими властями прекращения патриотического движения среди корейцев русского Дальнего Востока японское правительство прибегло к угрозам и провокациям [60]. По указанию из Токио японский генеральный консул во Владивостоке заявил богатым торговцам-корейцам, имевшим имущество в Корее, что оно будет конфисковано, а торговые операции ликвидированы, если не прекратятся антияпонские выступления корейцев в России [61]. Эти угрозы способствовали тому, что часть представителей корейской буржуазии стала на путь предательства [62].

Опасаясь новых осложнений во взаимоотношениях с Японией, цар-

---

[54] Там же, оп. 11, д. 73, лл. 176—177.

[55] Там же, л. 206.

[56] Там же, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 160.

[57] Депеша от 24 сентября 1910 года (там же, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 169).

[58] Депеша Сомова была отправлена из Сеула 19 ноября 1910 года.

[59] ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, лл. 228—229.

[60] В 1909 г. при участии японского консульства была сделана, правда, безуспешная, попытка создать филиал прояпонского общества «Ильчинхве» среди корейцев, населявших Сучанскую долину (там же, оп. 3, д. 376, лл. 17—19).

[61] Там же, ф. 1, оп. 10, д. 327, л. 57.

[62] Так, В. А. Мун, богатый мясоторговец из Никольск-Уссурийска, создал вооруженную группу, которая стала нападать на корейских партизан, находившихся в пограничных с Кореей селах. Одновременно с этим были сфабрикованы подложные письма о том, что корейские партизаны якобы готовят покушения на представителей русской администрации (там же, оп. 11, д. 73, лл. 39, 45—48, 89—91).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ские власти осуществили ряд мер против руководителей антияпонского движения на Дальнем Востоке. 17 августа 1910 г. военный губернатор Приморской области И. Н. Свечин писал приамурскому генерал-губернатору: дальнейшая деятельность Ли Бом Юна и его товарищей «может привести к международным осложнениям» [63]. Через три дня во Владивосток пришел приказ выслать Ли Бом Юна в Иркутск [64]. Но Ли Бом Юна скрывало корейское население, и царская администрация смогла задержать его лишь 22 октября. Вместе с ним были высланы и семь других руководителей антияпонской борьбы. Иркутская ссылка лидеров антияпонского движения продолжалась 7 месяцев. В мае 1911 г. им было разрешено вернуться во Владивосток [65].

В борьбе против агрессии японского империализма и в сплочении патриотических сил значительную роль сыграли корейские национальные организации, созданные на русском Дальнем Востоке. Кроме формирования партизанских отрядов, они занимались просветительской деятельностью, издавали газеты и листовки, которые тайно пересылали в Корею и Маньчжурию.

Выходившая во Владивостоке газета корейцев — сторонников восстановления монархии в стране «Тэдонг конгбо» отражала националистические взгляды; она выступала за объединение всех корейских сил для борьбы против японских империалистов. Но вместе с тем корейские националисты не верили в народ. После ослабления в 1909 г. в результате японских репрессий народного движения в Корее они перешли к тактике террора. Националистическая корейская организация во Владивостоке подготовила покушение на Ито Хиробуми, надеясь этим актом не только устранить одного из главнейших организаторов колониального порабощения страны, но и не допустить подписания соглашения между Японией и царской Россией, на поддержку которой в деле освобождения Кореи члены этой организации рассчитывали [66]. Заговорщическая террористическая деятельность корейских националистических организаций приводила к отрыву их от народных масс.

Зачаточными формами корейских организаций на русском Дальнем Востоке являлись органы общественного самоуправления, возникавшие в корейских поселках.

Среди националистических организаций корейских эмигрантов антияпонского направления надо упомянуть общество «Кукминхве» [67], задачами которого провозглашались просветительская деятельность, развитие корейской торговли и промышленности, приобщение корейцев к западной культуре, а конечной целью — восстановление независимости страны. Эти принципы нашли отражение в воззвании правления «Кукминхве» ко всем организациям в Корее и за ее пределами. Общество издавало газету «Синхан минбо» («Новая Корея»), которая распространялась не только в США, но и в Корее, а также в Приамурье. «Кукминхве» было тесно связано с американскими миссионерами и рассчитывало на поддержку США; его руководители, как видно из воззвания, не пытались организовать действительно народное движение. Американские правящие

---

[63] Там же, л. 78.

[64] Там же, л. 82.

[65] Там же, ф. 1, оп. 11, д. 73, л. 208.

[66] Ито Хиробуми был сторонником русско-японского сближения и прибыл в Харбин для переговоров с Коковцевым (министр финансов России) о заключении русско-японского соглашения по вопросам политики на Дальнем Востоке. См. А. Гальперин. Англо-японский союз. М. 1947, стр. 300.

[67] По данным архива, общество «Кукминхве» возникло в январе 1909 г. в Сан-Франциско в результате объединения «Северо-американской корейской общественной организации» и «Корейской ассоциации на Гавайских островах» (эти организации насчитывали вместе около 4 тыс. членов) (ЦГАДВ, ф. 702, оп. 3, д. 515, лл. 1—2). Общество имело центральные и территориальные правления, на местах создавались региональные отделения с числом членов не менее 15.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

круги, своекорыстно поддерживая «Кукминхве», стремились использовать антияпонские выступления корейского народа в интересах американского империализма. Впоследствии, после освобождения страны в 1945 г. от японского колониального гнета, некоторые бывшие члены «Кукминхве» вернулись в Южную Корею и стали прочной опорой американского империализма.

В поддержке корейских националистических организаций правящими кругами США нашло отражение обострение японо-американского антагонизма, недовольство американского капитала проводившейся Японией политикой ущемления интересов Соединенных Штатов в Корее и Маньчжурии. Правящие круги США стремились использовать миссионеров для проамериканской пропаганды и укрепления позиций американского капитала. По данным канцелярии приамурского генерал-губернатора, с 1906 по 1912 г. из Соединенных Штатов в Корею было направлено около 200 миссионеров; часть их действовала на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии [68].

Руководители «Кукминхве» уделяли внимание работе среди корейцев, живших на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. По данным газеты «Синхан минбо», к концу 1909 г. в Приморье было создано 12 отделений общества [69]. Активное участие в их деятельности первоначально приняли некоторые лидеры корейского патриотического движения на русском Дальнем Востоке. В 1910 г. в Чите был образован главный комитет, руководивший всеми отделениями общества на территории России. Он установил связи с национальными организациями в Корее и Маньчжурии [70].

Вскоре после организации этих филиалов стало известно, что через общество осуществлялась проамериканская и антирусская пропаганда, которую вели часть членов общества и американские миссионеры. В июле 1910 г. штаб Приамурского военного округа сообщал генерал-губернатору, что «американцы среди корейцев ведут пропаганду не только против Японии, но и против России» [71]. Стало известно также, что японцы засылали в «Кукминхве» своих агентов.

Попытки использовать общество в интересах американских империалистов вызвали противодействие со стороны корейского населения русского Дальнего Востока. В 1910 г. начальник штаба войск Приамурского военного округа сообщал правителю канцелярии приамурского генерал-губернатора, что многие корейцы — сторонники России относятся к «Кукминхве» недружелюбно и не поддерживают его [72]. В числе этих людей был Ли Бом Юн, не веривший в то, что США окажут помощь борьбе за независимость корейского народа [73]. С 1911 г. деятельность «Кукминхве» на русском Дальнем Востоке ослабевает. Стремясь поставить под контроль общественную жизнь корейцев русского Дальнего Востока, представители царской администрации стали выдвигать мысль о создании легального корейского общества в России. В феврале 1911 г. начальник полицейского управления Уссурийской железной дороги писал: «Очевидно, какая-то сильная рука направляет деятельность этого общества («Кукминхве».— *С. Г.*) и не в пользу России... Только разрешением русскими властями легального корейского общества, о чем они (корейцы.— *С. Г.*) неоднократно просили, мы можем спасти наших корейцев от влияния на них японцев и американцев» [74]. Корейские буржуазные деятели совместно с корейцами, находившимися на русской государственной службе, решили

[68] Там же, оп. 1, д. 640, л. 223.
[69] Там же, оп. 3, д. 515, л. 2.
[70] Там же, оп. 3, д. 479, л. 16.
[71] Там же, оп. 6, д. 62, л. 30.
[72] Там же, л. 26.
[73] «Shinhan Minbo», 25 мая 1910 года.
[74] ЦГАДВ, ф. 87, оп. 2, д. 60, л. 1.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

образовать общество «Куонопхве» («Общество развития труда») [75]. Устав общества предусматривал создание корейских промышленных и торговых предприятий, открытие школ, библиотек, читален, издание газет, журналов и т. д. Общество выпускало газету «Куоноп синмун». К лету 1914 г. были открыты его отделения в 13 населенных пунктах Приморской области; число членов «Куонопхве» достигало 8 579 человек [76].

Активное участие в этой организации приняли виднейшие руководители антияпонского движения, которые не собирались ограничиваться просветительской деятельностью среди корейцев Приморской области, а смотрели на общество как на средство борьбы против японского империализма (Ли Бом Юн, Ли Дон Хи и др.) [77].

В августе 1914 г. правительство Японии, предъявив собранные его агентами материалы об участии членов «Куонопхве» в антияпонском движении, потребовало закрытия общества и высылки из пределов России более двадцати корейских патриотов. По распоряжению военного губернатора общество было закрыто. Однако, как сообщил в докладе генерал-губернатору в мае 1915 г. чиновник особых поручений Ульяницкий, оно продолжало существовать нелегально [78].

После закрытия «Куонопхве» во Владивостоке Ли Дон Хи, Ли Чжун и некоторые другие руководители патриотического движения перешли на территорию Маньчжурии, где приняли участие в работе существовавших там корейских национальных организаций [79]. Ли Дон Хи с группой сторонников основал корейскую военную школу (она была расположена в семи километрах от русской границы, в окрестностях китайского города Лацзагоу, где проживало много корейцев) [80]. Ли Бом Юн в 1914—1915 гг. жил попеременно в Маньчжурии и в Южно-Уссурийском крае и поддерживал связи с участниками антияпонского движения.

Весьма интересен тот факт, что корейские националисты, действовавшие на русском Дальнем Востоке, внимательно следили за событиями, развертывавшимися в Китае, и готовы были оказать поддержку китайскому народу во время революции 1911—1913 гг., надеясь, что освобождение этой страны позволит и им сбросить иго колонизаторов. «Куонопхве» вскоре после своего образования установило связи с противниками Цинской династии, антияпонски настроенными офицерами китайской армии и представителями китайской буржуазии в Маньчжурии.

Китайские и корейские представители учредили в Хуньчуне корейско-китайское общество «Тунчжоухой» («Общество совместной деятельности»), которое выдвигало лозунги буржуазного характера: «Упрочение китайской республики и восстановление прежней территории корейского государства..., распространение образования, развитие промышленности, предприятий и банков, поощрение корейцев к вступлению в китайское

---

[75] Деятельность общества была разрешена только на территории Приморья. В 1914 г. руководители «Куонопхве» пытались открыть его филиал в Амурской области. С этой целью туда были командированы Ли Чжун и Н. И. Ким, но военный губернатор Амурской области отнесся к такому плану отрицательно.

[76] ЦГАДВ, ф. 87, оп. 1, д. 860, л. 62.

[77] Ли Дон Хи со своим партизанским отрядом в 1911 г. перешел из Кореи в Кандо, где занимался подготовкой бойцов в военной школе (там же, д. 860, лл. 106—108).

[78] Там же, ф. 702, оп. 3, д. 515, л. 10.

[79] В феврале 1914 г. русский вице-консул в Чхончжине писал, что большинство корейцев, проживавших в Кандо (Цзяньдао), являлось членами корейской национальной организации «Канминхве». Общество выполняло функции самоуправления и открыло много школ, в которых иногда учились дети корейцев — русских подданных. «Канминхве» носило антияпонский характер и издавало подпольную газету «Тэчин» (там же, ф. 87, оп. 1, д. 853, л. 30).

[80] Там же, д. 860, лл. 106—107; см. также «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 220.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

подданство и организация военного дела»[81]. Предполагалось создать партизанские отряды и приступить к военному обучению корейской и китайской молодежи. Проектировалось открытие отделений общества во Владивостоке и Кандо. В одном из писем руководителя отделения общества «Тунчжоухой» района Яньцзифу корейца Ким Ипа говорилось, что в случае развертывания революции в Маньчжурии «корейцы должны вступить в ряды революционеров, так как Китай и Корея издавна находятся в неразрывной связи»[82].

Усилению национально-освободительной борьбы против японских оккупантов в большой мере способствовало то, что корейцы, жившие на территории России, испытали влияние русской революции 1905—1907 годов. Многие из них совместно с русскими рабочими принимали участие в стачках и забастовках. Все это делало корейских рабочих и крестьян особенно восприимчивыми к идеям антияпонской борьбы.

Корейское население России страдало от русификаторской политики царского правительства. Царская администрация не проявляла внимания и к экономическому положению корейцев, нередко крайне бедственному. Корейские трудящиеся подвергались эксплуатации на рыболовных промыслах и золотых приисках, на строительных работах, а также в сельском хозяйстве, где многие из них были на положении батраков или арендаторов.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция освободила корейских трудящихся русского Дальнего Востока от национального и социального угнетения. Вместе со всем советским народом корейские рабочие и крестьяне активно включились в борьбу за Советскую власть и строительство новой жизни.

---

[81] ЦГАДВ, ф. 1, оп. 12, д. 317, л. 40.
[82] Там же, лл. 40—41.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ